Проблемы развития сельского хозяйства (рисоводство) на советском Дальнем Востоке (1920-1930) (на примере советских корейцев)

Problems of development of agriculture (rice) in the Soviet Far East (1920-1930) (the example of the Soviet Koreans)

Сон Ж.Г., к.и.н., доцент кафедры
восточной филологии
Отделения востоковедения
НИУ ВШЭ
Москва

Аннотация. В сообщении рассматриваются проблемы развития сельского хозяйства на советском Дальнем Востоке в 1920 – 1930-е годы. Советские корейцы внесли свой вклад в улучшение социально-экономического положения края, являясь специалистами в разведении самой рентабельной по климатическим условиям сельскохозяйственной культуры – риса. В 1926 г. активное возведение новой отрасли рисоводство в промышленных масштабах к середине 1930-х годов пришло в упадок. Причины кризиса обусловливались не только отсутствием разумной национальной политики, состоянием гражданского общества, тяжелым экономическим положением основной части дальневосточного населения, но и внешнеполитическими отношениями между СССР и Японией. Для эффективного развития рисоводства на Дальнем Востоке имелись все условия, в том числе и трудовой ресурс в лице корейского населения.

I. Введение

В XXI веке, как и в начале XX века проблема социально-экономического развития российского Дальнего Востока остается актуальной. Сегодня российское правительство уделяет этому сектору первостепенное значение в развитии этого региона. Одним из важных секторов экономики Дальнего Востока остается сельское хозяйство.

По данным Академии сельскохозяйственных наук Российской Федерации, на российском Дальнем Востоке ресурс не использованных залежных и целинных земель составляет 400 тыс. га. В настоящее время

разработано не более 40 тыс. га, в то же время 90% всей сельскохозяйственной продукции завозится из соседнего Китая.

Как и в начале прошлого века в Приморье самыми рентабельными из всех видов злаков остаются рис и соя. К сожалению, эти 40 тыс. га были разработаны еще в 1920–1930-х годах жителями корейских деревень до их выселения в Среднюю Азию. В начале прошлого века рис выращивался на территории от озера Хасан до реки Большая Уссурка и от государственной границы с Маньчжурией до Уссурийска.

Анализ истории развития социально-экономического сектора на Дальнем Востоке в 1920 – 1930-е годы показывает, что проблемы сельского хозяйства тех лет зеркально отображаются в сегодняшнем дне – это дефицит трудовых ресурсов, отсутствие техники, современных технологий и т.д. Возникает справедливый вопрос: почему спустя сто лет Дальний Восток остается одним из отсталых сельскохозяйственных регионов России? Вероятно, это объясняется не эффективной системой управления.

Относительно точной даты начала возделывания риса в Приморье единого мнения в литературе не существует. Некоторые исследователи, ссылаясь на работу А.Ф. Будищева «Описание лесов южной части Приморской области», отмечали первые посевы риса у корейцев в начале 60-х годов XIX в.[1].

Культура риса стала возделываться корейцами почти сразу после их переселения в пределы России. По данным Ким Сынхва в 1908 г. в долине р. Янчихэ корейцами было засеяно 40 десятин рисом. В дальнейшем посевы риса появились в Сучанском, Никольском, Уссурийском и Спасском уездах[2]. В.И. Володин же на основе анкеты окружного статистического бюро относительно оросительных схем, плантаций и посевщиков относит первоначальный срок зарождения рисоводства к 1913 г.

---

[1] *Володин В.И.* Доходность рисосеющих хозяйств корейцев // Труды опытных учреждений Дальнего Востока. Владивосток. 1931. С. 89.
[2] *Ким Сынхва (Сын Хва).* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата. 1965. С. 48.

С 1913 по 1924 гг. рисосеяние и связанные с ним предварительные работы по сооружению ирригационных систем находились в руках корейского населения. Здесь же следует отметить, что первые посевы риса производились исключительно семенами, которые корейцы привозили из Китая, Японии и Кореи. Рост площадей под рисом в этот период быстро увеличивался. Но вплоть до 1925 г. возделывание этой культуры не привлекало к себе внимания русского населения, хотя попытки ее возделывания предпринимались[3]. Столь безучастное отношение агрономов к культуре риса объяснялось тем, что «все знания, навыки и техника принадлежали пришлому азиатскому населению»[4].

Возможность широкого разведения риса в дореволюционный период не поощрялась «краевыми властями из боязни, чтобы развитие рисовых плантаций не послужило бы поводом к особой агрессивности в отношении русского Дальневосточного края со стороны Японии и Китая»[5].

И в дореволюционное время, и с установлением в крае советской власти, социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока во многом зависело от позиций и взаимоотношений трех государств – Японии и Китая с Союзом ССР.

Исследователями признается тот факт, что «японский капитал сыграл определенную роль в развитии дальневосточного рисосеяния»[6]. В период присутствия интервентских японских войск разведение риса на Дальнем Востоке получило существенный стимул. Для нужд японской армии спрос на рис увеличился многократно. Японскими агрономами были хорошо изучены все пригодные под культуру риса площади. Некоторые японские специалисты высказывали мнение, что «в Приморье можно засеять рисом до

---

[3] *Иванова Л.В.* Вклад корейских земледельцев в развитие сельского хозяйства Дальнего Востока в конце XIX–начале XX вв. / Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.). Материалы международной научной конференции. Благовещенск. 2004. С. 151.
[4] *Володин В.И.* Доходность рисосеющих хозяйств… С. 90–91.
[5] *Петров А.* Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // Северная Азия. М., 1929. Т. 1. С. 46.
[6] *Володин В.И.* Доходность рисосеющих хозяйств… С. 90–91.

3 млн га, а получить 55 млн кока (до 5 млн тонн риса)»[7]. На всем же Дальнем Востоке, то есть в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, по данным отдельных исследователей, площадь в 10 млн га была пригодна для разведения риса[8].

Через Корейский банк японцами выдавались ссуды корейцам – производителям риса, что в свою очередь стимулировало развитие данной отрасли. Важным остается и тот факт, отмечают исследователи[9], что без корейского населения русского Дальнего Востока, даже при наличии желания и капитала развитие рисоводства не произошло бы или было бы отодвинуто на долгий и неопределенный срок.

II. Социально-экономическое положение советского Дальнего Востока (1920 -1930)

1. Этнический состав населения советского Дальнего Востока и участие корейцев в развитии сельского хозяйства

По данным переписи 1926 г. в Дальневосточном крае Союза ССР население составляло 1 881 351 человек, из них: русских – 1 174 915 человек, украинцев – 315 203, корейцев – 162 366, китайцев – 80 157, белорусов – 41 124, поляков – 8163, татар – 6073, бурят – 8646, евреев – 7733, молдаван – 3732, немцев – 2452, латышей – 2514, литовцев – 1066, якутов – 1224, мордвинов – 2712, цыган – 894, народов северных окраин (туземцев) – 54 423, прочих малочисленных национальностей – 7954 человек[10].

Численность корейцев на территории Дальневосточного края составляла 162 366 человек, из них во Владивостокском округе – 145 511, в

---

[7] *Петров А.* Корейцы и их значение… С. 48.
[8] *Иванова Л.В.* Вклад корейских земледельцев… С. 151.
[9] *Володин В.И.* Доходность рисосеющих хозяйств корейцев // Труды опытных учреждений Дальнего Востока. Владивосток. 1931. С. 89; *Ким Сынхва (Сын Хва).* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата. 1965. С. 48; *Иванова Л.В.* Вклад корейских земледельцев в развитие сельского хозяйства Дальнего Востока в конце XIX–начале XX вв. / Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.). Материалы международной научной конференции. Благовещенск. 2004. С. 151.
[10] ГАРФ. Ф. 1235, оп. 120, д. 60, л. 29.

остальных округах и районах – 16 855[11]. В начале 1920-х годов около 80 % корейского населения занималось земледелием. Крестьяне подразделялись на кулаков – 5–6 %, середняков – 25–30 %, бедняков – 65–70 % (малоземельные, безземельные, батраки).

Основная часть корейцев в Приморье продолжала существовать за счет доходов от земли. В 1929 г. сельскохозяйственным трудом занимались 31 731 корейское хозяйство, где проживали, включая иждивенцев, 150 795 человек. Располагая примерно 20 % посевной площади, корейские крестьяне производили почти треть всей продукции полеводства. Особенно значительным был их вклад в производство масличных бобов и риса.

С 1923 г. после установления советской власти в Приморье корейцы принимали активное участие во всех социально-экономических сферах, основная масса их поднимала сельское хозяйство. Энтузиазм корейцев и огромное желание работать на советской земле не заставили долго ждать результатов.

В 1924 г. в Ханкайском районе было собрано 5 000 тонн риса с 1200 десятин (около 1300 га) земли, которая еще два года назад была сплошной степью Ханкайской низменности. За короткое время при полном отсутствии оросительных и ирригационных систем и какой-либо механизации корейцами были достигнуты заметные результаты. Из 400 000 десятин необработанной земли в Ханкайских низменностях, годных для разведения рисоводства, было обработано 1200 десятин посевных площадей, а остальные – находились в нетронутом состоянии[12].

С 1926 г. после оценки рентабельности культуры, изучение риса было поставлено в программу Приморской областной сельскохозяйственной опытной станции, и рисосеяние начинает активно развиваться на дальневосточной земле.

---

[11] Там же.
[12] ГАРФ. Фонд 1235. Оп. 122, д. 77, л. 2 – 14.

С 1927 г. начал работать Сантахезский опытно-мелиоративный пункт рисового совхоза «Дальрис». В 1928 г. была открыта опытная станция по изучению рисосеяния. В 1929 г. был утвержден пятилетний план развития рисосеяния, по которому площадь посева риса в Приморье предполагалось довести до 39 тыс. га, а сбор риса-сырца – до 115 тыс. т[13]. В пятилетний план входило строительство Уссури-Сунгачинского канала, создание Уссурийского комбината, орошение запасов земли Ханкайской низменности, что позволило бы подготовить под посевы риса около 200 тыс. га поливной площади.

Первоначально перспективы роста рисовых плантаций связывались с вовлечением в возделывание риса всего корейского населения (162 тыс.) и значительной части русского. Экономист А.М. Ярмош в статье «Движение населения ДВК на десятилетие 1926 – 1936 года» [14], опубликованной в 1927 г. в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока», дает весьма утешительный прогноз относительно дальнейшего развития рисоводства. Экономические расчеты А.М. Ярмоша показали, что повышение численности корейского населения может обеспечить условия для развития рисосеяния.

Согласно статистическим данным 1925 г. в Приморье было засеяно рисом 8196 га, в 1926 г. – 10 235 га, в 1927 г. – 13 895 га, в 1928 г. – 17 640 га, и в 1929 г. – 17 855 га. Валовой сбор риса в 1925 – 1926 гг. составил 23 114 т, в 1926 – 1927 гг. – 30 998 т, в 1927 – 1928 гг. – 38 462 т, в 1928 – 1929 гг. – 45 765 т.

Однако каких-либо серьезных сдвигов в производстве риса в Приморье не произошло. С 1930 г. сокращаются посевные площади под рис, было засеяно 15 936 га – это на 1919 га меньше, чем в 1929 г. В 1932 г. под рис засеяли 13 тыс. га, в 1933 г. – всего 4 200 га и лишь в 1935 г. площадь посевов составила 11 615 га. При этом средний сбор урожая риса в 1933 г. составил

[13] 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004. С. 226.
[14] Экономическая жизнь Дальнего Востока. – Хабаровск, 1927, № 1 – 2, январь – февраль. С. 98.

лишь 13 – 14 ц с гектара, в то время как в 1926 – 1927 гг. средняя его урожайность превышала 30 ц с гектара[15].

В процессе проводимой в ДВК коллективизации фактически прекратились работы по землеустройству и переселению безземельных корейцев Владивостокского округа. На 1 октября 1929 г. в ДВК было создано 936 колхозов, в том числе – 87 корейских, которые объединили 1725 хозяйств. Социальный состав колхозников-корейцев был следующим: бедняки – 75 %, батраки – 3, 4 %, середняки – 16 %[16].

Весной 1930 г. более двух пятых всех коллективизированных хозяйств составляли середняцкие. Численность корейских хозяйств и колхозников, объединенных в колхозы по ДВК, была следующая: Владивостокский округ – 24 613 хозяйств (134 412 чел.), Хабаровский округ – 3550 хозяйств (12 499 чел.) Амурский округ – 1091 хозяйств (5455 чел.), Зейский округ – 100 хозяйств (500 чел.), Читинский округ – 60 хозяйств (300 человек). Всего 29 414 хозяйств было объединено в колхозы, в них работало 153 166 корейцев.

В начале августа 1930 г. в Никольск-Уссурийске был созван Дальневосточный краевой съезд корейских колхозников. Участники съезда ставили своей главной задачей наметить меры по дальнейшему укрупнению колхозов. Тогда же корейские колхозы четырех деревень Суйфунского района заявили о своем объединении в один колхоз «Тихоокеанец-революционер»; в него вошли 783 хозяйства (3700 колхозников)[17]. Четыре селения Ханкайского района, насчитывающие 194 корейских хозяйства (1012 человек), были объединены в корейскую сельскохозяйственную артель «Синтухинец»[18].

Далькрайисполкомом был разработан «План коллективизации национальных меньшинств и туземцев по ДВК в 1929 – 1930 гг.». Согласно

---

[15] *Ли У Хе, Ким Ен Ун*. Белая книга о депортации корейского населения России в 30 – 40-х годах. Книга первая. С. 17.
[16] Сонбон. 21 июня 1930.
[17] Сонбон. 8 июля 1930 г.
[18] Организация труда в корейском колхозе. С. 12.

этому плану до 1 октября 1930 г. подлежали коллективизации 21 455 из 29 144 хозяйств (76, 6 %). Этот план был полностью осуществлен. В 1929 – 1930 гг. почти в каждом корейском селении ДВК был организован колхоз.

К концу 1931 г. 50 % от общего числа корейских хозяйств были коллективизированы. Было создано 200 колхозов, объединивших 11 728 хозяйств корейцев (50 188 чел.) [19] . В Ханкайском районе было коллективизировано 68 % от числа корейских хозяйств (3468 от 5100 хозяйств). Корейские колхозники обрабатывали 42 537 га посевной площади[20]. В Посьетском районе 90 % от всего корейского населения района вступили в колхозы[21]. В 1932 г. в Черниговском районе существовало 6 корейских колхозов, включавших 90 % корейских хозяйств[22]. В Сучанском районе насчитывалось 8 корейских колхозов (28, 5 % от числа всех колхозов)[23].

В конце 1934 г. коллективизация среди корейского населения завершилась. О первых успехах колхозного хозяйства докладывал начальник политотдела Посьетской МТС Ким Афанасий. Им сообщалось, что «колхозы полностью обеспечили себя хлебом, план хлебосдачи выполнен досрочно, расплатились с МТС»[24]. В целом коллективизация создала условия для более активного участия корейских колхозов в экономической жизни региона.

2. Влияние советско-японских отношений на развитие рисоводства на Дальнем Востоке

По мнению некоторых российских историков, главными причинами кризиса в области рисосеяния в середине 1930-х годов в Приморье, явились «крайне высокое налогообложение, примитивная агротехника, отсутствие стимулов к высокопроизводительному труду», а также несовместимость

[19] Сонбон. 7 октября 1931.
[20] Сонбон. 11 мая 1931.
[21] Сонбон. 28 октября 1931.
[22] Сонбон. 12 апреля 1931.
[23] Сонбон. 12 июля 1931.
[24] Тихоокеанская звезда. 2 января 1934.

«традиционного семейного труда корейских крестьян и бюрократической колхозной системы с ее тотальным обобществлением средств производства» [25].

Все же существенное влияние на этот кризис, по нашему мнению, оказали советско-японские отношения. Опубликованные в последнее время документы показывают, что социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока имело прямую зависимость от позиций и взаимоотношений двух государств – СССР и Японии.

После заключения Пекинской Конвенции 1925 г. японская сторона стала требовать предоставления рисовых концессий на территории Дальнего Востока. Впервые этот вопрос был затронут 6 января 1926 г. в беседе посла Японии в Союзе ССР Т. Танака с Наркомом иностранных дел СССР Г.В. Чичериным[26].

Т. Танака предложил обучить русских крестьян разведению рисовой культуры путем создания смешанных хозяйств, где финансовая и руководящая роль принадлежала бы японским специалистам. Г.В. Чичерин сослался на незнание этого вопроса и выразил опасение, что в Приморском крае до сих пор не исчезли воспоминания об оккупации и партизанской борьбе против японских интервентов. В связи с этим, появление японских сельскохозяйственных рабочих могло бы помешать гармоничному сожительству с коренным населением. Нарком Г.В. Чичерин предложил для японских сельскохозяйственных концессий земли Западной Сибири. Однако отдаленность этих мест от Японии затруднило бы создание там японских концессий, что совершенно не устраивало Т. Танака[27].

В августе 1926 г. в проекте торгпреда СССР в Токио Я.Д. Янсона[28] об использовании японских кредитов в интересах развития советского экспорта

[25]Белая книга о депортации… Кн. 1. С. 16, 17.
[26] Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921 – 1931. Сб. док. В 2-х кн. Кн. 2. С. 7 – 8.
[27] Там же. С. 7–8.
[28] Там же. С. 39.

и импорта на Дальнем Востоке во втором разделе о торговых и промышленных концессиях в пункте 4 говорится о предоставлении земледельческих концессий для разведения риса и бобов. Для этого Японии, отмечается в проекте, предоставляются льготы по иммиграции, и разрешается перенести некоторые японские кустарные промыслы на российские крестьянские хозяйства и города. Безусловно, имелось в виду, что вся произведенная продукция должна принадлежать японской стороне.

После активных обращений японской стороны предоставить сельскохозяйственные концессии на территории Дальнего Востока, у правительства Союза ССР появился серьезный интерес к организации новой отрасли сельского хозяйства – советское рисоводство. С этой целью началось строительство специальных ирригационных систем для риса, расширялись рисовые посевные площади, увеличились организованные заготовки риса.

Переговоры о предоставлении сельскохозяйственных концессий активно велись и в декабре 1927 г. в беседах Л.М. Карахана [29] и Г.В. Чичерина [30] с президентом японо-советского общества культурных связей С. Гото. Позиция Чичерина сводилась к тому, что без согласия местных советских органов НКИД СССР не принимает каких-либо решений касательно земельных и организационных вопросов.

Настойчивый и ультимативный характер переговоров японских дипломатов с советскими дипломатами прослеживается во всех документах той поры. Так, 8 января 1928 г. в резюме беседы Г.В. Чичерина с секретарем С. Гото К. Мори о возможности предоставления японцам сельскохозяйственных концессий, отмечается, что японская сторона уже знает настроения дальневосточных советов. Как оказалось, им досконально известно, сколько еще имеется свободных земель, годных для рисовых плантаций, как велико корейское переселение в этих местах; но корейцы, по их мнению, ничего не могут сделать в этой области без помощи японской

[29] Там же. С. 183.
[30] Там же. С. 194–204.

техники и без японского руководства [31]. По словам К. Мори, корейцы, переселившиеся в Советское Приморье, «жаждут развивать рисовое производство, но это могут сделать лишь опытные в этом деле японские крестьяне»[32].

Японской стороной была выработана система распределения трудовыми ресурсами: «тяжелая физическая работа, не требующая серьезной организационной или технической разработки, естественно, предоставляется корейцам; руководство производством риса и все те работы, которые требуют тонкого квалифицированного подхода, должны предоставляться японцам; другие работы, как, например, скотоводство, должны быть в руках русских переселенцев»[33].

В 1927 г. член палаты пэров Курати посетил г. Хабаровск и встретился с представителями советских органов для получения от них согласия предоставить сельскохозяйственные концессии Японии. Экспедиция Курати, основательно изучив этот вопрос в Советском Приморье, подсчитала, что для осуществления этого проекта потребуется около 10 млн. иен[34].

Очевидно, НКИД СССР был готов подписать договор, поскольку с этой стороны, пишет Г.В. Чичерин, препятствий быть не может, ибо дальневосточные советы определенно высказались уже за предложения виконта Гото[35]. Готовность Японии инвестировать 10 млн. иен, фактически убедила советское руководство предоставить сельскохозяйственные концессии, открытым оставался только вопрос об условиях и размерах этих концессий. Однако руководство Союза ССР, несмотря на предоставление японской стороной финансовых, технических и трудовых ресурсов взамен на советские земли, так и не подошло к переговорному процессу.

В связи с этим Япония предприняла меры, с целью не допустить дальнейшее развитие рисоводства на советском Дальнем Востоке.

[31] Там же. С. 210.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 205–213
[34] Там же.
[35] Там же. С. 210.

Дискредитация корейцев перед советской властью посеяла недоверие к ним. Местные власти в ожидании подписания договора о предоставлении сельскохозяйственных концессий и финансовых вложений японской стороной, не оказывали какой-либо помощи корейским колхозникам, численность которых к середине 1930-х годов составляла 199 500 человек. В плане распределения и организации труда «восточникам» доставалась самая тяжелая работа, агротехника для них предоставлялась в последнюю очередь. Обрабатывая рисовые поля, фактически вручную, где сохи составляли 50%, а вспашка земли производилась на коровах и быках, корейцы получали урожаи в несколько раз выше, чем в русских колхозах.

В этот же период корейцы-коммунисты, занимавшие руководящие посты в Дальневосточном крайкоме ВКП(б), Дальневосточном крайисполкоме были переведены на другие должности. Они направлялись председателями, парторгами корейских колхозов, начальниками МТС.

Таким образом, сложные советско-японские отношения определенным образом влияли на развитие сельского хозяйства на Дальнем Востоке, вместе с тем отсутствие разумной национальной политики, гражданского общества, тяжелое экономическое положение основной части дальневосточного населения вынуждало советских корейцев переселяться в другие регионы. Будучи хорошими специалистами по возделыванию риса, они были востребованы и стали первопроходцами в развитии этой отрасли в других регионах Союза ССР.

3. Первый корейский колхоз на Северном Кавказе.

В 1924 г. был создан Всесоюзный Переселенческий Комитет (ВПК) при ЦИК СССР[36]. Переселенческая политика Советского правительства была направлена не только на заселение многоземельных районов с целью их освоения, но и на зачистку приграничных территорий от

[36] РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 2, 3, 4.

инонациональностей, в первую очередь тех, которые не имели своей государственности. В данном случае были опасения, что в условиях войны эти национальные меньшинства могут оказаться «неблагонадежными».

Переселенческий процесс затронул и советских корейцев, как составную часть населения страны. Вопрос о расселении корейцев был поставлен в апреле 1928 г. на заседании СТО СССР. Они были включены в годовой план переселения. Корейцы как трудовой ресурс переселялись по профессиональному признаку и были заняты в угольных шахтах, на золотодобыче, рудниках и сельском хозяйстве. Они трудились в Мурманской, Тульской, Ойротской и во многих других областях Советского Союза. Часть из них оказалась и в Северокавказском крае.

В 1929 г. Совет Труда и Обороны СССР принимает решение об освоении плавней Кубани (Северный Кавказ), с этой целью были созданы специальная организация по строительству гидротехнических сооружений и оросительных систем на Кубани «Плавстрой» и Северокавказский рисотрест.

Всесоюзный переселенческий комитет СССР для обеспечения трудовыми ресурсами по всей стране вербовал рабочих для этой стройки. Однако специалистов для развития этой новой отрасли не хватало.

Весной 1933 г. по инициативе комфракции корейской секции Московского интерклуба политэмигрантов им. Загорского под руководством Сен Чидюна была организована сельскохозяйственная коммуна по рисосеянию в Славянском районе Азово-Черноморского края из 100 корейских семейств[37].

Местные органы власти положительно отнеслись к желанию корейцев работать на их земле. Так, в постановлении объединенного заседания бюро Славянского РК ВКП(б) и Президиума РИКа, совместно с Начполитотдела Ивановской МТС от 23 сентября 1933 г. «Об организации в Ивановской МТС сельхозартели по рисосеянию из националов – корейцев» отмечалось: «В Ивановской МТС имеет место большая напряженность с рабочей силой и

[37] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 136, д. 3, л. 207.

отсутствием специалистов и квалифицированных работников по рисосеянию, признать необходимым и целесообразным организацию сельскохозяйственной коммуны по рисосеянию из националов корейцев на землях Ивановской МТС»[38].

Руководители района придавали огромное значение тому, что эта акция напрямую связана с осуществлением как национальной политики партии, так и с развитием колхозного строительства и новой сельскохозяйственной отрасли в условиях Кубани – рисоводства.

В связи с этим было решено: «Считать возможным для обеспечения организации коммуны передать в ее распоряжение:

а) Рисовый участок, занимаемый ныне колхозом им. Калинина в количестве 230 га со всеми жилыми и служебными постройками;

б) Массив садово-огородной бригады этого же колхоза в количестве 33 га, из коих 13 га садов и 20 га огородов, как подсобное хозяйство;

в) 15 голов лошадей и необходимое количество сельхозинвентаря;

г) 200 центнеров семенного риса и каждому хозяйству усадебные места с жилыми постройками»[39].

Уже в 1934 г. использование корейского опыта рисосеяния в Азово-Черноморском крае принесло свои результаты. Рассматривая вопрос о плане натуроплаты по рису, бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) постановило утвердить минимальный годовой план сдачи натуроплаты риса-сырца из урожая 1934 г. по МТС[40].

[38] Там же. Оп. 136, д. 11, л. 50.
[39] Там же.
[40] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 21, д. 2202, л. 33 об .

План сдачи риса-сырца урожая 1934 г.
по МТС Азово-Черноморского края в октябре – ноябре 1934 г.
(в тоннах)

МТС	октябрь	ноябрь	итого
Новомышатовская	12	21	33
Красноармейская	10	14	24
Ивановская	28	45	73
Итого	50	80	130

На земельных угодьях, обрабатываемых Новомышатовской и Красноармейской МТС, работали в основном переселенцы-красноармейцы, прибывшие осенью 1933 г.[41], а в Ивановской МТС трудились корейцы-переселенцы. Урожай риса, выращенный артелью корейцев, был значительно выше урожая, полученного в других колхозах и совхозах.

Посевная площадь и урожайность в 1934 г. по рису выглядели следующим образом: площадь для совхозов и учреждений занимала 2131 га, урожайность 18,4 центнеров с гектара; для колхозов соответственно: 459 и 16, 1; вся площадь составляла 2590 га и урожайность 18,0 ц[42]. Относительно высокие результаты уже после первого года занятия рисосеянием в Азово-Черноморском крае позволяли сделать вывод, что «рисовая отрасль должна была стать одной из ведущих в сельском хозяйстве края»[43].

В 1933-1934 гг. благодаря самоотверженному труду, богатому опыту в рисоводстве, корейцы колхоза им. Димитрова Ивановской МТС справились с поставленной задачей. Был собран высокий урожай риса. Несмотря на трудности в освоении плавневых земель, наличие эпидемии малярии во время паводка, причинявшей вред здоровью, отсутствие элементарных условий для жизнедеятельности, скудное питание, корейцы проявили выносливость, трудолюбие. Это позволило сделать рис одной из основных культур в Азово-Черноморском крае (Краснодарский край).

[41] Там же. Л. 88 об.
[42] Там же. Л. 201.
[43] Там же. Л. 202–203.

План посевных площадей на весну 1935 г. по колхозно-крестьянскому сектору в разрезе районов, названных и других МТС, секторов и культур (культура - рис) в новых районах по Азово-Черноморскому краю[44] выглядел следующим образом: Н.-Мышатовская МТС – 200 га; Ивановская – 200 га; Черноерковская МТС – 100 га; Итого по краю: 500 га.

Однако уже на 1936 г. план сдачи риса-сырца представлял собой несколько другие показатели, во много раз превышающие технические и физические возможности хозяйств, занимавшихся рисосеянием. На очередном заседании бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) был утвержден план сдачи риса-сырца на 1936 год:

План сдачи риса-сырца на 1936 г. (в тоннах)

По колхозам	Обязат. поставка	Натуроплата	Возврат ссуд	Всего
Ивановский	117	205	10	332
Марьянский	78	170	5	253
Черноерковский	58	85	–	143
По совхозам:				
Черкесский	3980	–	–	–
Красноармейский	2060	–	–	–
Тиховской	960	–	–	–

При этом предписывалось: «Обязать райпарткомы, райисполкомы и директоров совхозов обеспечить выполнение планов рисосдачи к 1 ноября с.г.»[45].

Итоги возделывания риса в Азово-Черноморском крае, в том числе и на земельных участках артели им. Димитрова, где были заняты корейцы, позволила изучить эту проблему применительно ко всей территории края. Вопрос был рассмотрен на заседании бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) от 15 августа 1936 г. В протоколе заседания бюро (№ 18) читаем: «Практика работ опытно-исследовательских учреждений, а также производственные посевы риса по рр. Кубань и Дон установили полную

[44] Там же. Л. 215–216
[45] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 21, д. 2212, л. 97.

возможность развития рисосеяния на всей территории края. Водно-земельные ресурсы края позволяют без регулирования стока р. Кубань и на притоках Дона, освоить под рис до 65 тыс. га. Колхозами края в текущем г. посеяно 1134 га. Исходя из этого, Азово-Черноморский крайком партии и Крайисполком постановляют: Утвердить следующий план развития рисовых посевов в крае по годам (га):

1937	1938	1939	1940	1941	1942
6700	7492	10 341	13 640	18 485	22 050»[46].

Однако тогда не был рассмотрен вопрос о производительных силах и наличии средств, благодаря которым можно было увеличить планируемую посевную площадь уже в следующем 1937 г. более, чем в шесть раз. Несмотря на то, что в крае были созданы Рисотресты, Всесоюзный институт риса, Всесоюзный научно-исследовательский колхозный институт, людских ресурсов не хватало как и специалистов по рисосеянию, отсутствовала необходимая техника и т.д. Несмотря на имевшиеся трудности, утвержденные планом посевы и уборки риса на 1937 г. посевные площади были засеяны, по отдельным из них удалось даже перевыполнить. Было засеяно: по Ивановскому району – 1601 га; по Черноерковскому району – 604; по Красноармейскому району – 477; по Марьянскому району – 316; по разведывательным районам – 89; всего – 3087; по совхозам Кубрисотреста – 4012; всего: 7099 га[47].

Основные посевные площади риса приходились на колхозы Ивановской МТС – 1601 га. Благодаря самоотверженному труду, богатому опыту в рисоводстве, корейцы колхоза им. Димитрова Ивановской МТС справились с поставленной задачей. Был собран высокий урожай риса. Несмотря на трудности в освоении плавневых земель, наличие эпидемии малярии во время паводка, причинявшей вред здоровью, отсутствие элементарных условий для жизнедеятельности, скудное питание, корейцы проявили

[46] Там же. Д. 2210, л. 97 об.–98.
[47] Там же. Д. 2217, л. 113 об, 114.

выносливость, трудолюбие, оставаясь составляющей многонационального Азово-Черноморского края. Это позволило сделать рис одной из основных культур в Азово-Черноморском крае.

В конце 1937–1938 гг. после повальных арестов корейцев выселяли частично в Среднюю Азию. Многие корейцы из этого колхоза, в основном женщины и старики, рассеялись по Северному Кавказу, в Ставропольском крае, Дагестанской АССР. В 1935-1936гг. в Ставропольском крае в станице Советской; в Дагестанской АССР – в Кизляре; в Чечено-Ингушской АССР – в Гудермесе были организованы корейские рисовые колхозы.

III. Заключение

Одной из главных причин переселения народов Союза ССР, в т.ч. корейцев, являлось принудительное привлечение трудовых ресурсов для поднятия сельского хозяйства, ликвидации последствий проводимой политики коллективизации и раскулачивания.

С другой стороны, судьба корейцев напрямую зависела от советско-японских отношений. Жесткие позиции японского руководства по всем обсуждаемым вопросам ставили советскую сторону в сложную ситуацию. Зачастую дискредитация советских корейцев со стороны Японии порождала негативные отношения местных властей по отношению к корейскому населению, вызывала неприязнь со стороны местного населения.

В конце 1920-х годов в средствах массовой информации появлялись статьи о «желтой опасности», «огромной армии мирных завоевателей»[48] в лице корейцев, приходящих «с котомкой за плечами» в СССР, якобы стремящихся вытеснить русских и превратить приграничный район в «Советскую Корею»[49]. В этих статьях явно прослеживается антикорейская японская пропаганда.

---

[48] *Бельденинов С.И.* Рисосеяние в Дальневосточном крае. Цифры, факты и наблюдения. Хабаровск: Книжное дело, 1930.

[49] *Смирнов М.* Рис на поля русского крестьянина // Тихоокеанская звезда. 22 апреля 1930; Данилин Ф. Рис – в повестку дня // Тихоокеанская звезда. 15 августа 1930.

Как отмечалось выше, до 1925 г. возделывание риса у русского населения не привлекало к себе внимания и объяснялось тем, что все знания, навыки и техника принадлежали пришлому корейскому населению. Возведение новой отрасли сельского хозяйства, ранее незнакомой европейскому населению, преобладающее большинство которых были переселенцами из западных районов СССР, вызывало массу конфликтов на межэтнической почве.

Для эффективного развития рисоводства на Дальнем Востоке имелись все условия, налаженная система управления этими процессами, ощутимый трудовой ресурс в лице корейского населения. Однако внешнеполитические факторы играли негативную роль в реализации задач по улучшению продовольственного положения в регионе. Все эти причины тормозили развитие целой отрасли сельского хозяйства на обширных пространствах Дальневосточного региона.